

с. 2-4

Журнальные замѣтки.

(Сѣверн. Вѣст. Мартъ.)

Провинціальный читатель, живущій въ непроходимой отчаянной глуши, рѣдко, а то и совсѣмъ не загораживаетъ въ журналы; онъ болѣею частью довольствуется краткими политическими извѣстіями, сенсационными новостями дня, выдающимися фактами изъ судебной хроники и вообще матеріаломъ, обязательно преподносящимъ ему газетой; литературныя же явленія, въ которыхъ выражается сила и ростъ русской мысли, зачастую даже его не занимаютъ; онъ вовсе и не интересуется ими. Эти явленія представляются ему чѣмъ-то столь далекимъ, столь мало связаннымъ съ его жизнью, бытомъ и нуждами, столь мало соответствующими его обыденной обстановкѣ, что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Неудивительно, если въ какомъ-нибудь недавнемъ углу мы встрѣтимъ людей, которыхъ нѣтъ основанія назвать необразованными и которые тѣмъ не менѣе даже и не подозреваютъ, что есть развѣдъ между писателями, столь противоположными по своему мировоззренію и характеру литературной дѣятельности, какъ Алексѣй Константи. Толстой и Левъ Никол. Толстой. Намъ приходится сталкиваться съ людьми, которые до сихъ поръ наивно полагаютъ, будто «Князь Серебряный» написанъ Л. Н. Толстымъ. Не странно ли, что все это возможно въ то время, когда его позднѣйшія сочиненія переведены на всѣ новѣйшія языки, когда русская литература признана за границей

одною изъ самыхъ выдающихся, замѣчательныхъ и оригинальныхъ въ средѣ всѣхъ остальныхъ европейскихъ литературъ?..

Нѣсколько въ яномъ положеніи находится читатель, живущій по арабской мѣрѣ въ уединенномъ городѣ; здѣсь въ большинствѣ случаевъ есть клубъ и при немъ кое-какая бібліотека. Забѣжитъ обыватель вечеркомъ въ клубъ и если не изъ интереса къ литературѣ, то отъ нечего дѣлать, иногда просто отъ скуки развернетъ книжку журнала и просмотритъ новую повѣсть, новую критическую или публицистическую статью и такимъ образомъ волей неволей познакомится съ выдающимися произведеніями. Подобные читатели, имѣющіе возможность сама не посредственно изъ журналовъ знакомиться съ текущими литературными новостями, не найдутъ, вѣроятно, ничего особенно интереснаго въ нашихъ журнальных замѣткахъ, такъ какъ мы будемъ нѣтъ въ виду главнымъ образомъ читателей первой категоріи, т. е. такихъ, которыхъ почему-либо не попадаютъ въ руки наши толстые журналы и вотъ для нихъ-то мы прежде всего укажемъ на общую фязіонію мартовской кн. «Сѣверн. Вѣст.»

Достаточно лишь бѣгло взглянуть на содержаніе этой книжки — и легко убѣдиться въ томъ, что иностранному отдѣлу отведено мѣсто щедрою рукою, именно, здѣсь одновременно печатается три переводныхъ иностранныхъ романа: итальянскій, нѣмецкій и англійскій; послѣдній дается въ видѣ обычнаго при этомъ журналѣ приложенія съ особой нумераціей стра-

ницъ. Не забыта иностранная жизнь и въ отдѣлѣ серьезныхъ статей; такъ, мы находимъ здѣсь статьи: «Кризисъ философіи классическаго идеализма въ Германіи», «Жизнь Дж. Стюарта Милля» и «Матеріальная постановка школьнаго дѣла въ соединенныхъ штатахъ». При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы отдѣлъ оригинальной беллетристики былъ слишкомъ скуденъ. Съ этой стороны настоящимъ украшеніемъ книжки являются недавняя доселѣ стихотворенія Лермонтова, печатаніе которыхъ начато еще въ январской книжкѣ. Стихотворенія эти почти всѣ юношескія, но въ нихъ уже блещетъ могучій талантъ будущаго творца «Демона» и «Героя нашего времени». Не останавливаясь на романѣ Михайлова «Иобѣднѣ», который еще не оконченъ, ни на повѣсти Боборыкина «Изъвѣстникъ» которой пока «продолженіе слѣдуетъ», мы прямо обращаемся къ четырех-актной драмѣ А. Чехова «Ивановъ».

Въ журналахъ вообще какъ-то не принято печатать драмъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи допускалось только для покойнаго Островскаго и, бывало, новогодняя книжка «Отеч. Зап.» непременно заключала въ себѣ послѣднее произведеніе знаменитаго драматурга. Эта традиція «Отеч. Зап.» отчасти унаслѣдована «Сѣв. Вѣст.» и въ этомъ журналѣ въ прежнія годы напечатано нѣсколько пьесъ Шпагинскаго, а въ настоящій разъ драма Чехова «Ивановъ». Пьеса эта 31 го января текущаго года была поставлена въ Петербургѣ на сценѣ Императорскаго Александровскаго театра и

имѣла несомнѣнный успѣхъ. Героевъ
ея является не какой-нибудь титанъ
съ громаднымъ умомъ и необыкновен-
ною волею, совершающій великіе под-
виги, а самый обыкновенный, по ви-
дѣнью, русскій интеллигентный чело-
вѣкъ; онъ состоитъ, между прочимъ,
непрерывнымъ членомъ присутствія по
крестьянскимъ дѣламъ. Въ моментъ
знакомства съ нимъ мы застаемъ его
какимъ то совершенно развѣнченнымъ
разочарованнымъ, утомленнымъ, изму-
ченнымъ; онъ вѣчно жалуется на то,
что для него въ этой жизни все кон-
чено; не только другіе, но и онъ самъ
неоднократно называетъ себя «выти-
комъ», Гамлетомъ, лишнимъ челове-
комъ. Что же привело его къ такому
крайнему, безнадѣжному пессимизму?
Вѣдь еще года вѣтъ, какъ былъ здо-
ровъ и силенъ, былъ бодръ, неуто-
мимъ, горячъ, работалъ, говорилъ такъ,
что трогалъ до слезъ даже невѣжды,
умѣлъ плакать когда видѣлъ горе,
возмущался, когда встрѣчалъ зло;
зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ
преlestъ и поэзію тихихъ ночей, когда
отъ зари до зари сидѣлъ за рабо-
чимъ столомъ, или тѣшилъ свой умъ
мечтами; вѣровалъ, въ будущее гла-
дѣлъ какъ въ глава родной матери...»
Обращаясь къ пьесѣ за разрѣшеніемъ
поставленнаго вопроса, мы не нахо-
димъ въ ней прямо и ясно выражен-
наго отвѣта. Здѣсь только намеками
дается повѣсть, что причина жертва-
щей апагії и хандры Иванова лежитъ
въ общихъ условіяхъ жизни интелли-
генціи, сдѣлавшихъ столь популярными
въ настоящее время доктрины Гарт-
мана и Шпенгера. Гораздо болѣе

подробно развиты личные мотивы, при-
ведшіе героя драмы къ пессимизму. Пер-
вое мѣсто между ними занимаетъ женить-
ба. Женился Ивановъ дѣйствительно
не такъ, какъ всѣ, именно на еврейкѣ,
покинувшей изъ любви къ нему отца
и мать и перемѣнившей вѣру. Безум-
ная любовь къ мужу и до сихъ поръ
не перекрещается. Между тѣмъ Ива-
новъ совершенно разлюбилъ свою же-
лу. Чтобы спастись отъ тоски, неот-
ступно преслѣдующей его, особенно
когда ему приходится оставаться до-
ма видѣть съ женою, онъ увязаетъ
къ своимъ сосѣдямъ Лебедевымъ.
Этимъ онъ избавляется также отъ об-
щества такихъ людей, какъ Борзинъ
и гр. Шабельскій, живущихъ въ его
домѣ. «Лешіе люди, лишніе слова,
необходимость отвѣчать на глупые
вопросы—все это, говоритъ Ивановъ,
утомило меня до крайности». Борзинъ
состоитъ у него управляющимъ и
всегда носитъ съ собою прокутовъ
самаго архинадувательнаго свойства;
потому всѣ считаютъ его мошенни-
комъ изъ мошенниковъ, но намъ онъ
почему-то напоминаетъ Хлестакова въ
мизантюрѣ; такъ и кажется, что ни
одинъ изъ его плутовскихъ прокутовъ
никогда не осуществится. Совершен-
но въ другомъ смыслѣ интересна лич-
ность Шабельскаго. Этотъ прокутив-
шійся графъ вѣчно рисуетъ своею
ненавистью и озабоченіемъ прогнѣвъ
всѣхъ и вся; разговоръ его отлича-
ется всегда однимъ вѣчнымъ же ха-
рактеромъ, иѣняются только отѣнки
сообразно съ профессіею лица, къ ко-
торому онъ обращается. Такъ, съ
докторомъ Шах-тскіимъ обыкновенно

ведет такую рѣчь: «доктора—тѣ же адвокаты, съ тою только разницею, что адвокаты только грабятъ, а доктора и грабятъ и убиваютъ... Шарлатаны, эксплуататоры... Я въ свою жизнь пролечилъ тысячу двадцать и не встрѣтилъ ни одного доктора, который не казался бы мнѣ патентованнымъ мошенникомъ». Если онъ собирается куда нибудь въ гости, то разсуждаетъ такъ: «погляжу тамъ мошенниковъ и дураковъ и, можетъ быть, развлекусь». О себѣ Шабельскій не лучшаго мнѣнія, чѣмъ о другихъ». Я, говоритъ онъ, такой же мерзавецъ и свинья въ ермолкѣ, какъ и всѣ. Моветонъ и старый башмакъ». Словомъ онъ напоминаетъ собою скорѣе уже Собакевича.

Не одно желаніе хотѣть на время освободиться отъ общества этихъ людей и разсѣять тоску, давящую Иванова, влечетъ его къ Лебедевымъ. У него явилась привязанность къ ихъ дочери Самѣ, которая, спустя не долго, первая признается ему въ самой горячей любви. Такое признаніе сразу его какъ будто оживляетъ: «его что же такое? Это значитъ начинать жизнь сначала? Да? Снова задѣло?» Но и тутъ мрачная мысль, что ничего заманчиваго впереди вѣтъ и не можетъ быть, не покидаетъ его: «не достаетъ, говоритъ онъ, чтобъ я, старый, мокрый пѣтухъ, затянулъ новый романъ!» Судьба однако какъ будто нѣсколько способствуетъ ему въ этомъ отношеніи. Чухотка сводитъ въ могилу его жену и вотъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ свадьба его съ Лебедевой. Мисіе изъ окружающаго

общества, непонимая Иванова, смотритъ на его женитьбу пронырски, чтобы не сказать больше. Было не мало такихъ, которые прежній еще бракъ его съ Саррою считали почти подлостью; ему чужъ ли не въ глаза говорили, что онъ женился на ней единственно ради денегъ, а когда ничего не получалъ, то свелъ жену во гробъ и теперь нахренъ вторично продѣлать ту же низость: жениться на богатѣй Лебедевой, забрать ея деньги и загнѣмъ наплевать на нее. Этотъ упрекъ онъ слышалъ еще при жизни жены изъ ея же устъ и тогда еще говорилъ, что все это ложь. Блестящій оправданіе Иванова отъ изводившихъ на него подозрѣній является финалъ драмы. Когда все уже было готово къ браку, когда невеста собралась въ церковь, вдругъ въ домъ Лебедевыхъ является Ивановъ и проситъ невесту во имя любви къ нему отказаться отъ него; онъ заявляетъ, что не имѣетъ права связывать своей развитой жизни съ судьбой цѣлующей 20-лѣтней дѣвушки, что онъ погибъ. Съ тяжелой головой, съ дѣтской душой, утомленный, надломленный, безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, онъ, какъ пѣва, слоняется среди людей и не знаетъ: кто онъ? зачѣмъ живетъ? чего хочетъ? Ему теперь кажется, что любовь вздоръ, ласки приторны, что въ трудѣ вѣтъ смысла, что пѣсни и горячія рѣчи пошлы и стары. Куда онъ ни ступитъ всюду вноситъ съ собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращеніе къ жизни. Въ порывѣ онъ наконецъ въ виду собравшихся гостей вынимаетъ

его револьверъ и застрѣливается.

Такова въ общихъ чертахъ драма А. Чехова; читается она съ необыкновеннымъ интересомъ. Нечего говорить про то, какимъ въ высшей степени живымъ, образнымъ, легкимъ языкомъ она написана и сколько мастерства въ изображеніи дѣйствующихъ лицъ. Каждое изъ нихъ точно живое встаетъ передъ читателемъ, каждое имѣетъ свою особую типичную фивіоновію и нисколько не похоже на другое. Мы уже указали отчасти, какъ оригинально очерчены фигуры Воркана и Шабельскаго; тоже нужно сказать и относительно всѣхъ другихъ лицъ. Возьмите, напр., на выдержку хоть такое ничтожное эпизодическое лицо, какъ ащипный чиновникъ Мосыхъ. Это—человѣкъ, не признающій ничего кромѣ нивта; естественно, что у него не можетъ быть и другаго разговора, кромѣ слѣдующаго: «у меня на бубнахъ: тузъ, король, дама, коронка самъ—восьмь, тузъ нивтъ и одна.. маленькая червонна, а она чертъ ее весели совѣтъ, не могла объявить маленькаго племя!» или: «я говорю безъ козырей. Онъ пасъ. Два трефы. Онъ пасъ. Я дамъ бубны... три трефы... и представьте, можете себѣ представить, я объявляю племя, а онъ—не показываетъ туза. Покажи онъ, мерзавецъ! туза, я объявлялъ бы большой племя на безкозыряхъ...» Если этого чиновника спрашиваютъ, какого онъ нивтъ объ нивтъномъ человѣкѣ, онъ отвѣчаетъ: «ничего не стоитъ. Играетъ какъ сапожникъ». Словомъ онъ на все смотритъ особыми глазами, все

опѣвываетъ съ своей точки зрѣнія. Послѣ этого скажите, развѣ не натурально и въ тоже время не типично обрисована эта фигура. А вотъ другая тоже не важная въ драмѣ личность, именно гость, который обо всякомъ пустакѣ считаетъ непременно долгомъ высказать свое собственное мнѣніе и начинаетъ рѣчь обыкновенно такъ: «съ моей точки зрѣнія, mesdames, я такъ разсуждаю» или «я такъ понимаю, mesdames...» — и эта личность также выхвачена прямо изъ жизни. Кромѣ всего этого, необходимо замѣтить, что сюжетъ драмы отличается въ полномъ смыслѣ слова современностью и жизненностью. Въ этомъ случаѣ ссылаемся на авторитетъ критика „Недѣли“, который говоритъ: «наконецъ то наша литература смѣло и искренно принимается за современную жизнь, наконецъ-то она обмолвилась серьезнымъ и оригинальнымъ словомъ... Печать унынія, тоски, безсилія жгетъ легла на все общество. Мы всѣ это видимъ, чувствуемъ, но въ литературѣ до сихъ поръ не было ничего, сколько — либѣть ярко и серьезно выражающаго современную форму этого стараго недуга. Драма г-на Чехова есть именно сытъ въ этомъ родѣ.» Вообще нужно сказать, что она совершенно не похожа на тѣ скучныя, безцѣльныя драмы, которыя, точно грѣзы послѣ дождя, цѣлыми массами появляются въ послѣднее время.

В. С.

